

БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Северная часть Восточной Пруссии в составе города Кенигсберга и прилегающего к нему района общей площадью с заливами 15, 1 тыс. кв. км отошла к Советскому Союзу согласно решениям Потсдамской конференции¹. В первые послевоенные годы на территории Кенигсбергской (Калининградской) области оставалось местное немецкое население, численность которого по средним подсчетам составляла 139 тысяч человек. Трудоспособность сохранили 48 тысяч человек в возрасте от 18 до 50 лет, причем женщин среди них было в три раза больше, чем мужчин².

Сразу после окончания военных действий весной 1945 г. советскими военными властями был определен перечень задач: важнейшими стали предоставление немецким гражданам жилой площади и обеспечение их достаточным количеством продуктов питания. В ходе боевых действий на территории Кенигсбергской области было уничтожено большое количество зданий и сооружений. Немецкий врач Ханс Дайхельманн, оставшийся в Кенигсберге после войны, подсчитал, что из-за бомбардировок в августе 1944 г. было разрушено 30 % жилья, из-за военных действий в апреле 1945 г. еще 30 % и из-за запланированных поджогов до 5 %³. Второй по величине город Тильзит был разрушен не менее чем на 60 %, а город Инстербург — более чем на 90 %⁴.

В этих условиях власти оказались не способны предоставить жилье и местным жителям, и советским переселенцам, командированным в Восточную Пруссию для работ по ее восстановлению. И поскольку на первом месте стояли интересы советских граждан, немцы оказались в тяжелейших жилищных условиях: многие были выселены из своих домов и находили приюты в развалинах, в подвалах и на чердаках, другие же и вовсе оказались без крыши над головой. Немецкий еврей Михаэль Вик вспоминает, что его семье пришлось в общей сложности шесть раз сме-

нить жилье, и понятно, что всякий раз найти новый приют было очень непросто⁵. В первые послевоенные месяцы существовала еще одна категория немцев — бездомные: одинокие старики, беспризорные дети. Создававшиеся в спешном порядке дома престарелых и детские приемники не могли вместить всех нуждающихся⁶.

Страх перед нападениями и кражами приводил к тому, что большинство немцев селились вместе. Такая картина наблюдалась по всей области, везде бывшие хозяева «уплотнялись». Зачастую в маленьких кладовках, оборудованных под комнаты, ютилось несколько семей. В некоторых случаях на каждого человека приходилось всего по два квадратных метра жилой площади⁷.

Некоторым немцам все же удавалось остаться на прежнем месте жительства. Несмотря на то, что власти запретили местному населению квартировать вместе с рядовыми, офицерским составом и репатрированными гражданами⁸, зачастую немецкой семье оставляли одну комнату из четырех-пяти, которыми они владели. Поэтому, вплоть до 1948 г., жилые кварталы часто имели смешанный национальный состав⁹.

В большинстве случаев в своих временных жилищах немцы оставались без элементарных удобств. В ходе боев пострадали водонасосные и перекачивающие станции, многие коммунально-бытовые объекты. В полуразрушенных домах не было ни электричества, ни отопления, ни канализации¹⁰. В пик эпидемии тифа, осенью 1945 г., Кенигсберг потреблял только воду из собственных, за малым исключением загрязненных, колодцев; люди мылись водой из воронок; поменять и постирать белье удавалось крайне редко. Система канализации была разрушена, отхожих мест имелось недостаточно, уход за ними не велся, добираться до них было долго и небезопасно, отчего загрязненность дворов и подвалов была очень значительной. Электричество появилось в отдельных районах лишь в 1946 г. и было доступно немногим¹¹. Отсутствие элементарных удобств порождало антисанитарию: в невиданных количествах размножались мухи, вши, блохи; крысы плодились столь стремительно, что начали нападать на спящих людей¹².

Такие катастрофические бытовые условия привели к необратимым последствиям: росло число смертей от болезней и холода, особенно в суровые зимы.

Как и в других оккупированных областях Германии, в это время в Кенигсбергской области был большой дефицит продуктов питания, так как сельское хозяйство, торговля и транспорт после войны находились

в упадке. При отступлении гитлеровцы уничтожили практически все складские запасы продовольствия, какой-либо подвоз в Кенигсберг продуктов питания прекратился. Уже в феврале 1945 г. в городе перестали отпускать жителям хлеб (150 граммов на человека) и другие продукты питания¹³.

Согласно приказу, изданному 25 апреля 1945 г. от имени военного коменданта города и крепости Кенигсберг генерал-майора М. В. Смирнова, снабжение продуктами должно было производиться за счет местных ресурсов¹⁴. В первые недели после взятия Кенигсберга на местное население была распространена карточная система. Нормы получаемого по карточкам продовольствия были очень скромные, но и их отovarивать приходилось с большим трудом. Поддерживались прежде всего квалифицированные кадры, часть трудоспособного населения, больные, оказавшиеся в больницах, и дети в детских домах. Немцы — рабочие промышленных предприятий получали по продовольственным карточкам в сутки 400 граммов хлеба, 600 граммов картофеля и 30 граммов соли (норма № 3). Паек по норме № 3 стоил 3 рубля 34 копейки. Деньги за продукты высчитывались из заработной платы¹⁵. Зачастую рабочие не получали продукты в полном объеме в виду их отсутствия: взамен картофеля выдавалась ячменная крупа, вместо отсутствующего мяса — мясные консервы¹⁶.

Самое тяжелое положение было у неработоспособных, детей и стариков. На бесплатное довольствие медицинского персонала, беспризорных детей и инвалидов из немецкого населения за июль — сентябрь 1945 г. в Кенигсберге было израсходовано 296 тыс. рублей. Однако этих денег не хватало на то, чтобы обеспечить людей даже минимумом продовольствия¹⁷. Для детей ввели норму — 200 граммов хлеба в день — и выдавали ее при условии внесения их в продуктовую карточку работающих родителей. С лета 1946 г. дети до 16 лет стали получать 400 граммов хлеба в день. К сожалению, властям далеко не всегда удавалось соблюдать эти нормы¹⁸. Согласно немецкому пастору Хуго Линку, после смерти матери ребенок должен был быть перенесен в регистрационный документ другой работающей женщины, что могло длиться восемь дней¹⁹.

Неработающее немецкое население, за исключением инвалидов и детей, никакого продовольственного снабжения не получало. В результате такого положения среди местных жителей отмечалось резкое повышение уголовной преступности. Особенно частыми были кражи продуктов, грабежи, убийства²⁰.

К концу 1945 г. ситуация с продовольствием в Кенигсберге резко ухудшилась, так как не удалось выполнить поставленную правительством и армейским командованием задачу создания продовольственных запасов за счет местных ресурсов. Сократились нормы снабжения, и был сведен к минимуму набор продуктов даже для высококвалифицированных немецких специалистов. Чтобы не умереть с голоду, люди старались добыть питание самостоятельно. По словам Михаэля Вика, немцы «ели все, что удавалось найти»²¹. Кое-какие запасы оставались еще в подвалах и кладовых разрушенных домов. Однако Ханс Дайхельманн вспоминает, что, как только запасы находились советскими лицами, они тот час же были переданы под охрану и вывезены. В соответствии с законом продукты доставляли к месту сбора, где и перераспределяли²².

Согласно многочисленным свидетельствам, как самих немцев, так и советских переселенцев, местные жители употребляли в пищу одуванчики и крапиву, картофельные очистки, червей, улиток, речные ракушки, павший скот, жаб, мышей, особо ценилось мясо кошек и собак²³. В условиях страшного голода имели место случаи каннибализма. Согласно Докладной записке № 515 министру внутренних дел СССР генерал-полковнику С. Н. Круглову, обнаруженной в архиве УВД, «по области всего было зарегистрировано 12 случаев людоедства. Отдельные немцы не только употребляли в пищу мясо трупов, но и убивали своих детей и родственников. Таких случаев убийства с целью людоедства было 4»²⁴.

Органы местного управления принимали меры для изыскания дополнительных продовольственных ресурсов. Для снабжения немцев привлекались ресурсы располагавшихся в Кенигсберге воинских частей. Например, для военнослужащих, восстанавливающих железнодорожный узел, была оборудована кустарная хлебопекарня, которая, несмотря на малую производительность, могла отпускать после 17 мая 1945 г. ежедневно по 250 граммов хлеба для снабжения немцев²⁵. На основе постановления Военного совета Особого военного округа от 6 февраля 1946 г. каждой немецкой семье выделялась площадь 0,15 гектара для индивидуального огорода, для посева выдавались семена свеклы, кольраби и брюквы²⁶. Расширились посевы картофеля, других сельскохозяйственных культур. При управлении военного коменданта города была организована база рыбного промысла, объединившая мелкие рыболовные бригады районных военных комендатур. Улов шел на питание местного немецкого населения²⁷.

Трудно представить, каково бы пришлось немцам, если бы русские граждане не оказывали бы им посильную помощь. Советские переселенцы, которые сами испытывали нехватку продовольствия, безвозмездно отдавали часть своего пайка немцам: делились с ними хлебом, рыбой, солью, молоком и другими продуктами²⁸.

Ситуация с обеспечением местных жителей продуктами питания несколько улучшилась после отмены карточной системы в 1947 г., когда они получили возможность приобретать товары в магазинах по своему выбору.

Еще одним важным направлением в деятельности органов временного управления явилось обеспечение медицинского обслуживания местного населения. Послевоенные разрушения домов, инфраструктуры и коммуникаций привели к тому, что в области сложилась острая санитарно-эпидемиологическая обстановка.

Медицинскую помощь немецкому населению оказывали сразу же после овладения тем или иным пунктом: были развернуты медицинские пункты для раненых и больных немецких граждан. Все местное население, проходя через сборно-пересыльные пункты, предварительно подвергалось полной санитарной обработке. С целью предупреждения венерических заболеваний при каждой военной комендатуре района создавался венерологический пункт, где проходили медицинский осмотр женщины-немки. Больные изолировались и подвергались лечению²⁹.

Профессор Вильгельм Штарлингер, организовавший по распоряжению советских властей работу первой Немецкой инфекционной больницы, отмечал, что высокая степень распространения болезней среди местного населения была вызвана тем, что люди не могли приобрести иммунобиологической защиты, не переболев соответствующими заболеваниями ни раньше, ни через вакцинацию; немцы не были защищены от вызванного окружающими условиями бурного распространения инфекции никакими активными мерами санитарно-гигиенического характера (исключая часто запоздалую изоляцию и диспансеризацию зарегистрированных явных больных), тогда как для лавинообразного распространения инфекций условия были максимально благоприятными из-за повсеместной дезорганизации нормального течения и поддержания жизни³⁰.

Во всех районах среди гражданского населения свирепствовала эпидемия брюшного тифа. Обнаруживались случаи заболевания туляремией, дифтерией, скарлатиной, чесоткой, гонореей, сифилисом, туберку-

лезом³¹. Помимо всего прочего в Кенигсберге стали возникать доселе неизвестные заболевания, в том числе малярия, вспышку которой объясняли загрязнением противопожарных прудов³². Высока была смертность от дистрофии, особенно среди детей³³. Предвидя катастрофическую ситуацию, управление по руководству военными комендатурами 3-го Белорусского фронта еще 10 мая 1945 г., предписало военным комендантам открыть в каждом районе хотя бы по больнице, исходя из количества немецкого населения: до пяти тысяч человек — больница на 50 коек; от пяти до десяти тысяч человек — на сто коек; от десяти до двадцати тысяч человек — на 200 коек³⁴. В Кенигсберге были восстановлены и введены в строй четыре больницы для немецкого населения, в том числе одна инфекционная. К ноябрю 1945 г. в них находилось около 3 тыс. больных, работало 26 врачей³⁵. Со временем лечебная сеть была расширена.

Важнейшей проблемой был дефицит лекарств и почти полное отсутствие медицинского оборудования. Не было медикаментов, медицинских инструментов, спецодежды для персонала, мыла и других дезинфицирующих средств, термометров для дезинфекционной камеры. В силу этого в больницах наблюдалось очень много случаев внутрибольничных заболеваний, рецидивов болезней, и процент выписки из больницы был чрезвычайно мал. Имелись случаи заболевания тифом среди обслуживающего персонала³⁶.

Однако, несмотря на все трудности, меры, принятые органами управления и санитарными службами по локализации и ликвидации инфекционных очагов, спасли тысячи немецких граждан от смерти.

Затянувшаяся депортация местного населения стала возможной после массового переселения в Калининградскую область в течение 1946 — 1947 гг. советских людей. Было принято два постановления Совета Министров СССР на этот счет: соответственно от 11 октября 1947 г. и от 15 февраля 1948 г. под одним названием «О переселении немцев из Калининградской области РСФСР в советскую зону оккупации Германии»³⁷. Таким образом, с территории Калининградской области в Германию в 1947 — 1951 гг. выехали 102 494 немецких граждан³⁸.

¹История края (1945—1950). Учебное пособие для студентов-историков Калининградского государственного университета. В. Г. Бирковский и др. Калининград, 1984. С. 43.

²Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца второй мировой войны: Ист. очерки. Документы. Материалы. Калининград, 1996. С. 462.

³*Deichelmann H.* Ich sah Königsberg sterben. Schnellbach, 2000. S. 36.

⁴История края (1945 — 1950). Указ. соч. С. 45.

⁵*Вик М.* Закат Кенигсберга: Свидетельство немецкого еврея. СПб., Потсдам, 2004. С. 235.

⁶Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. Калининград, 2003. С. 245.

⁷Очерки истории Восточной Пруссии. Калининград, 2002. С. 460.

⁸ГАКО. Ф. 298. Оп. 1. Д. 21. Л. 11.

⁹Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Указ. соч. С. 243.

¹⁰Очерки истории Восточной Пруссии. Указ. соч. С. 446.

¹¹*Вик М.* Указ. соч. С. 247.

¹²Там же. С. 247.

¹³Восточная Пруссия. Указ. соч. С. 461.

¹⁴В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945—июнь 1947) / Сост. В. Н. Маслов. Калининград, 2004. С. 14.

¹⁵Очерки истории Восточной Пруссии. Указ. соч. С. 458.

¹⁶В начале нового пути. Там же. С. 37.

¹⁷История края (1945 — 1950). Указ. соч. С. 48.

¹⁸*Строанова Н. А.* Немецкие дети-сироты на территории Калининградской области (1945 — 1948 гг.) // Калининградские архивы: Материалы и исследования: Науч. сб. / Редкол. Г. И. Щеглова и др. Вып. 3. Калининград, 2001. С. 278.

¹⁹*Luschmat G.* Die Lage der Deutschen im Königsberger Gebiet 1945 — 1948. Frankfurt am Main, 1998. S. 82.

²⁰Очерки истории Восточной Пруссии. Указ. соч. С. 458.

²¹*Вик М.* Указ. соч. С. 195.

²²*Deichelmann H.* Op. cit. S. 47.

²³*Falk L.* Ich blieb in Königsberg. Tagebuchblätter aus dunklen Nachkriegsjahren. München, 1965. S. 25; *Вик М.* Указ. соч. С. 219, 227; Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Указ. соч. С. 249.

²⁴Очерки истории Восточной Пруссии. Указ. соч. С. 458.

²⁵*Маслов В. Н.* Продовольственный вопрос в деятельности советской военной комендатуры Кенигсберга в 1945 г. // Вестник Калининградского государственного университета. Вып. 2. Сер. Философия, история и образование стран Балтийского региона. Калининград, 2003. С. 50.

²⁶Очерки истории Восточной Пруссии. Указ. соч. С. 458 — 459.

²⁷*Маслов В. Н.* Хозяйственная деятельность военной комендатуры Хайнрихсвальдского района Особого военного округа в 1945 — начале 1946 г. // Калининградские архивы: Материалы и исследования: Науч. сб. / Редкол. Ю. В. Костяшов и др. Вып. 8. Калининград, 2008. С. 113.

²⁸Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Указ. соч. С. 252.

²⁹Очерки истории Восточной Пруссии. Указ. соч. С. 459.

³⁰*Вик М.* Указ. соч. С. 248.

³¹Очерки истории Восточной Пруссии. Указ. соч. С. 459.

³²История края (1945 — 1950). Указ. соч. С. 45.

³³*Вик М.* Указ. соч. С. 246.

³⁴Очерки истории Восточной Пруссии. Указ. соч. С. 459.

³⁵История края (1945 — 1950). Указ. соч. С. 48.

³⁶*Маслов В. Н.* Временное гражданское управление Особого Военного округа (1945 — 1946 гг.) // Калининградской области — 60: этапы истории, проблемы развития: Сб. ст. Калининград, 2006. С. 70.

³⁷Восточная Пруссия. Указ. соч. С. 172.

³⁸*Костяшов Ю. В.* Секретная история Калининградской области. Очерки 1945 — 1956 гг. Калининград, 2009. С. 172.